НАДЯ ВАФФ

Прыжок в небо

Надя Вафф

Прыжок в небо

«Издательские решения»

Вафф Н.

Прыжок в небо / Н. Вафф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963284-5

Вы верите в Бога? А существуют ли черти? Или всё это вместе взятое — лишь наши фантазии? Именно на эти вопросы и должен найти ответы обычный московский школьник. Только вот искать он их будет не в привычной для себя среде «каменных московских джунглей», а в глухом посёлке «без удобств», затерявшемся в горах…

ISBN 978-5-44-963284-5

© Вафф Н.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ 6
С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ 15
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Прыжок в небо

Надя Вафф

© Надя Вафф, 2019

ISBN 978-5-4496-3284-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Чувство беспокойства сидело занозой внутри Димки ещё со вчерашнего вечера. С того самого момента, как он услышал в телефонной трубке своего навороченного мобильника тихий Светкин голос: «Я не сдала». Это означало – конец. Почему-то сразу на ум пришла сцена из кино про Штирлица, где сутулый агент Плейшнер неспешной походкой заходит в дом, забыв о предосторожности и даже не заметив цветка на окне. Димка отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи, но гулять ему разом расхотелось, и он решил вернуться домой.

– Пока, пацаны, – Димка махнул рукой на прощание.

– Опять трухаешь, Димыч? – язвительно отозвался на его «пока» Ас. – Так и скажи, что слабо тебе с моста порхнуть.

– Ты чего, Димас? – Лёха догнал друга и вцепился ему в куртку. – Сейчас Лилька подкатит. Тебе надо ловить момент. Потом когда ещё сможешь перед ней покрасоваться? Или реально трусишь? Не бойся, всего-то делов – с моста на вагон сиганув.

Димка не ответил на уговоры друга, и пошёл прочь от железнодорожной станции по мокрому тротуару. Спускаться в метро не хотелось, поэтому решил добираться до дома пешком. По пути вспоминал.

Всё началось в тот пасмурный июньский вечер, когда шаги родителей, спешащих на отдых в «тёплые страны», смолкли в подъезде. Светка, старшая Димкина сестра, выглянула в окно, помахала невидимым папе и маме рукой, и взволнованно проговорила:

– Наконец-то! Я уж думала, что они никогда не уедут. Я сейчас, скоро!

– Ты куда подалась? – Димкин вопрос разбился вдребезги о захлопнувшуюся за сестрой входную дверь.

Светка вернулась буквально через несколько минут, бережно прижимая к груди маленького пищащего котёнка. Подошла к дивану, стоящему в гостиной и скомандовала:

– Плед давай. Стели его вот сюда и музыку сделай потише, оглохнуть можно.

– Ты где котёнка взяла? Он же грязный весь, и глаза у него… Фу…

– Это девочка, её выбросили злые люди на дорогу под дождь, – Светка сюсюкала над котёнком, потом повернулась к Димке. – Тащи тёплую воду, марганцовку и ватные диски. Сейчас мы глазки ей промоем…

Димка не стал спорить с сестрой, пошёл в ванную за водой и медикаментами. Когда вернулся, Светка сидела на ковре, расстеленном на полу, и гладила котёнка по голове.

– Давай, – скомандовала сестра. – Будешь помогать. Сначала раствор марганцовки сделай слабенький, а потом, пока я ей буду глаза промывать, ты молока разведи водой. Всё понял?

– Свет, а она чего, теперь у нас жить будет? А вдруг она того, в смысле всё обгадит? А предки когда вернуться, они же нас убьют…

У Димки было бесконечное количество вопросов, но Светка его оборвала:

– Не могу я её бросить, Димасик, понимаешь? Она же совсем маленькая, не выживет самостоятельно. Я её уже неделю выхаживаю, мне баба Поля вахтёрша помогала. Я Баську у неё в подсобке прятала. Но бабе Поле завтра смену сдавать, так что больше у нас убежища нет. Да, моя хорошая? – Светка потрепала котёнка по голове. – Завтра мы с ней домой поедем.

– Это куда?

– Я мотанусь быстро в деревню, пока предки на курорте. Если чего, прикроешь? А хочешь, ещё секрет расскажу? – Светка расплылась в улыбке. – Я на работу устроилась в ветклинику. Буду работать вечерами.

– А когда отец узнает? – спросил Димка, но Светка только пожала в ответ плечами.

Димка часто не понимал сестру: «Чего бунтует?» Денег на карманные расходы отец никогда не жалел. Светкину учёбу в универе оплачивал. От них с сестрой требовалось-то совсем немного: копить знания и не перечить родителям. Так ведь нет, Светка вбила себе в голову, что должна посвятить жизнь братьям нашим меньшим, и плевать ей хотелось на журналистику. Теперь вот ещё и на работу устроилась. К чему ей всё это?

Отец, конечно же, узнал о Светкиной тайне. На удивление не стал громко возмущаться и читать нотации, только поставил условие – диплом журналиста дочь должна получить. Светка согласилась и… завалила экзамен.

Дома Димку встретил угрюмый отец. Он специально громко шелестел газетой, как бы заранее предупреждая, что свежая новостная колонка для него сейчас это самое главное в жизни, и что не дай бог никому отвлечь его от чтения. Мать гремела посудой на кухне. Время от времени её шаги замолкали, наступала тишина, потом всё начиналось сначала. Димка хотел зайти к сестре, но дверь в Светкину комнату была закрыта. Он не стал стучать или звать, решив, что будет лучше дождаться утра, когда родители разъедутся по делам. Почти неслышно, словно приведение проскользнул мимо гостиной и кухни, закрылся у себя в комнате. Хотел было включить музыку, но вспомнив поговорку, что не надо будить лихо пока оно тихо, взял учебник ОБЖ и нырнул в кровать, подумав при этом: «Вот скажи мне кто, что проведу вечер за изучением темы „Как вести себя в лесу“, ни за что не поверил бы».

Утром проснулся ни свет, ни заря. Долго лежал в постели, не открывая глаз и слушал звуки за стеной: мать с отцом о чём-то негромко разговаривали на кухне. Голоса сестры слышно не было, и Димка продолжал лежать в кровати, делая вид, что спит. Когда же входная дверь за родителями захлопнулась и в квартире воцарилась тишина, Димка опрометью бросился в комнату сестры. Дёрнул за ручку, дверь, как и вечером, оказалась закрытой. Не совсем понимая в чём дело, тихонько позвал:

– Светка…

– Чего тебе, Димасик? – голос сестры был тихим и очень спокойным, по крайней мере, ему так показалось.

– Дверь-то открой, предки свалили на арбайтен.

– Эх, – послышался Светкин вздох, – если бы это от меня зависело. А так…

– В смысле «от тебя»? Рассказывай, чего вчера тут творилось, пока меня не было.

– Да так… – было слышно, как Светка подошла к двери и опустилась на пол с другой стороны, – ничего нового. Всё, как обычно. Ну, разве только то, что отец попытался меня ударить. Хотя, может и не ударил бы вовсе. Он замахнулся на меня, Димас. Я так испугалась, я первый раз в своей жизни испугалась родного отца, представляешь?

– Орал? – Димке показалось, что сестра сейчас расплачется.

– А как же? Ещё как орал. Замолчал только после того, как я пригрозила из дома уйти.

– Ни фига себе, сеструха. Ну, ты жжёшь.

– Да я и сама от себя не ожидала. Как-то само собой вырвалось. Отец сразу замолчал. Зато у мамочки просто истерика приключилась. Она мне столько гадостей наговорила в бешенстве. Я, недолго думая, к себе слиняла, а она сама с собой бушевала на кухне. Когда ураган стих, я подумала, что обошлось. Только, не тут-то было. Сижу за компом, слышу – ключ в скважине бряцает. Сначала до меня не дошло что к чему, поняла только, что я «кавказская пленница», когда материн голос услышала. Короче, велела она мне с работой распрощаться и сказала, что выпустит только после того, как я одумаюсь и покаюсь. Вот такие дела, братишка.

– Светик, – Димка поглядел на часы, громко отсчитывающие каждую минуту его опоздания в школу, и заговорщицки прошептал, – я с тобой. Ты же знаешь, что я, чтобы ни случилось, всегда за тебя. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Ты только дождись меня. Не предпринимай ничего, пожалуйста. А хочешь, я вообще в школу не пойду? А хочешь, мы сломаем на фиг эту дверь? Вынесем её в лучших традициях старого доброго Рембо.

– Ой, Димасик, иди лучше. Не хватало ещё, чтобы предки и по тебе проехались. Лучше пятёрку получи по какой-нибудь дисциплине. Сделай родокам приятное, а уж я как-нибудь сама выберусь.

Димка не стал спорить с сестрой, потому что она всегда была у него в авторитете. Он всегда верил ей, как самому себе, знал, что она его не обманет и не подведёт. Так было и в этот раз. Светка действительно всё решила сама. Без всякой посторонней помощи она смогла освободиться из своей «тюрьмы». Она вышла в окно…

Сегодня, сейчас, сидя на уроке физики, Димка ещё ничего не знал о той трагедии, которая уже произошла в его семье. Родители его не оповестили о случившемся, решив, что он ещё маленький. Вот только острое чувство беспокойства за сестру, зародившееся утром в его душе, не проходило. Всё разрешилось после занятий. Выйдя из школы, он, ещё стоя на пороге, увидел машину отца, припаркованную на школьной стоянке. Водитель дядя Боря, помахал Димке рукой, подавая знак, что ждёт его. Димка даже обрадовался тому, что не придётся добираться

до дома на общественном транспорте. Когда машина рванула с места, дядя Боря заговорил первым:

– Я тебя сейчас домой отвезу, мать велела. На словах просила передать, чтобы ты сегодня вечером дома побыл. Ужин я в пиццерии купил, так что с голода не помрёшь. Они с отцом тебе сами отзвонятся.

– Случилось чего, дядя Боря? – у Димки ёкнуло в груди.

– Сестра твоя из окна, как бы тебе помягче сказать, вывалилась, – ответил водитель после недолгого молчания. – Мне тебе говорить об этом не велено, но, я же знаю, что ты меня не подведёшь. Так ведь?

– А Светка… она… – Димкин язык метался между словами «жива» и «умерла», хотя он не мог допустить и мысли, что его обожаемая сестра вообще может умереть.

– Всё нормально, – успокоил его дядя Боря. – Она же у нас боец, выкарабкается обязательно.

– Тогда мне нужно к ней, – сказал он твёрдо. – Она в какой больнице?

– А вот этого брат, я тебе точно не скажу. У меня двое детей, мне их кормить надо. Сам подумай, если я сейчас, наплевав на все запреты начальства, тебя в больницу доставлю, оставит меня твой отец на работе, или уволит завтра же? Как думаешь? Так что посему, придётся тебе вечерок дома коротать.

Больше не разговаривали, лишь только скудное «спасибо» было обронено Димкой, когда водитель вручил ему пакет с ужином, и такое же скудное «пожалуйста» услышано в ответ. Войдя в квартиру, Димка первым делом бросился в Светкину комнату. Там царил беспорядок: дверь распахнута настежь, неприкрытая постель, вещи сестры, разбросанные повсюду. Димка сел посреди комнаты прямо на пол и слёзы потекли по его щекам. Подумал было: «Реву, как девчонка». Но слёзы не подчинялись ему, сами катились из глаз, и он смирился со своей слабостью.

Из этой пустоты небытия его вырвал звонок городского телефона. Он зазвонил вдруг, и так неожиданно громко, что Димка вздрогнул. Это было сравнимо с холодным душем, по утрам, приводящим вялый сонный организм в чувство. «Вдруг из больницы?» – подумал Димка, и мгновенно поднявшись с пола, почти вприпрыжку добежал до трезвонившего на всю квартиру телефона.

– Алло, я вас слушаю.

– Ань? – спросил на том конце тихий голос.

– Мамы дома нет, – ответил Димка. – Что-то ей передать?

– Митька, ты что ли? – снова спросил голос.

– Я, – Димка ничего не понимал. Он хотел уже положить трубку, но что-то остановило его, и он спросил: – А вы кто?

– Ну, если ты Митька, то, знать, я дедом тебе прихожусь. Я чего звоню-то, Митька? Ты Анютке передай, пусть все дела отставит, да приедет на свиданку к матери своей. Это не моя прихоть, Валюша сама меня позвонить попросила. Да пусть не мешкает дюже. Плоха Валюша, боюсь, что долго не протянет.

– Передам, – выдохнул Димка.

– И Веточка пусть обязательно приезжает, Валюша её особливо ждёт. Ну и, сам, конечно, тоже приезжай. Не жди отдельного приглашения. Мы вам завсегда рады. Только не годите.

– Ладно, дед, я всё передам, – пообещал Димка.

Трубка захрюкала, потом в ней раздались короткие гудки.

Димка вернулся в комнату сестры, хотел было снова присесть на пол возле кровати, но неведомая сила силком тянула к окну, и он решился. Выглянул во двор, осмотрел его с высоты пятого этажа и вдруг представил себе Светку, лежащую там внизу, на асфальте. Попятился назад, при этом его напряжённый мозг молоточком долбил один единственный вопрос: «Зачем? Почему? Ну, не из-за того же, что предки её в комнате заперли? Не может такого быть! Должна же быть причина более серьёзная». И вдруг Димку осенило: «Записка. Она же могла оставить записку. Надо искать…» Он бросился к письменному столу сестры и начал выдвигать ящики один за другим. Тетради, конспекты, казалось, что больше там ничего и нет, но из одной толстой папки с фотографиями на пол выпал потёртый листок. Димка поднял его с пола, впился в него глазами: «Вы верите в Бога? Каким вы его себе представляете? Существует ли Вечная жизнь?» Димка оторопел. Трясущимися руками свернул листок в несколько раз, сунул в карман джинсов, потом достал снова и взгляд его побежал по строчкам, написанным ровным Светкиным почерком, дальше: «Существует ли Дьявол? Как, по-вашему, выглядят черти? Возможно ли их увидеть или они живут только в нашем сознании?» Чем дальше он читал вопросы, тем больше было у него уверенности, что сестра его попала в какую-то секту, и, осознав это, решилась на отчаянный шаг. Спустя время, измученный сомнениями, Димка заснул лёжа на кровати поверх покрывала прямо в одежде, сжимая в руке злополучный «божественный» листок.

Утром, как только открыл глаза, услышал голоса родителей. Мигом оказался на кухне и прямо с порога выпалил:

– Как она?

– Нормально всё, – тихо ответила мать и отвела взгляд в сторону.

– К ней уже можно? Она в какой больнице?

– В Склифе, её сразу туда отвезли.

– Я к ней, – Димка рванул к двери, на ходу приглаживая взъерошенные волосы.

– Умойся хоть, кофе с бутербродом проглоти, – вдогонку бросила мать.

– Дима тебе в школу надо, – вставил отец.

– Да пошёл ты со своей школой, – огрызнулся Димка, но подъезд ответил ему тишиной, видимо предки не слышали его последних слов.

***

Светка лежала перед ним бледная как мел, опутанная трубками, доставлявшими в её тело лекарства. Она спала. Димка вот уже пару часов сидел рядом с ней и держал руку сестры в своей руке. Пару раз заходила медсестра, говорила, что она проспит ещё немного, а он пока может сходить прогуляться на улицу или перекусить в буфете. Но Димка упорно держал сестру за руку и не собирался отпускать, потому что верил в то, что если отпустить, то непременно случится несчастье. В детстве, когда он болел, Светка всегда забиралась к нему в постель, брала его за руку и говорила: «Чувствуешь, Димасик, как тебе наполовину легче стало? Это я к себе часть твоей болячки приманила. Вот пока мы с тобой вместе, она с нами ни за что не справится! Я тебя никогда не брошу, ты это знай!» Димке тогда казалось, что любая боль действительно ослабевала, жар уходил. И всё это потому, что Светка держала его за руку. Сегодня всё было наоборот, сегодня он был её спасителем.

Когда Светка открыла глаза, то улыбка слегка тронула её губы. Она почти неслышно позвала:

– Димасик…

– Тс-с-с-с… – он встрепенулся и зашипел, – тебе нельзя разговаривать, но мне очень нужно кое-что у тебя узнать, поэтому ты мне моргни, если согласна. Ага?

Светка моргнула и чуть сжала его руку.

– Ты как? – он посмотрел на сестру и понял, что задал вопрос не правильно. – Не, не то. Ерунду сморозил. Сейчас… Ты нормально?

Она моргнула.

– Свет, я… ты даже не представляешь, – Димкин голос задрожал, – ты так больше никогда…

– Обещаю, – прошептала она почти беззвучно.

– Ты это из-за них? – Димка отпустил её руку, достал из кармана листок с вопросами. – Тебя в секту заманили?

Светка помотала головой:

– Курсовые вопросы… опрос надо было провести…

– Блин, вот я идиот, – Димка вздохнул с облегчением, – придурок полный. Прикинь, я вчера, когда этот твой опросник нашёл, я себе такого про тебя напридумывал. А это всего-навсего твоя курсовка. А как же ты её теперь?

Светка посмотрела на него задумчиво и вздохнула.

– А хочешь, я тебе на эти вопросы ответы добуду? Ты же всегда мне домашки помогала делать, а то и вовсе за меня их строчила. Думаешь, у меня не получится? Вот ты бы кого опрашивать стала?

– Я бы к бабушке…

– А бабушка наша… – Димка осёкся, поняв, что сейчас не стоит говорить сестре о том, что вчера звонил дед, и продолжил: – Я хотел сказать, что вот возьму и поеду к бабушке с дедушкой. А что? Да, легко!

Светка посмотрела на брата недоверчиво.

– Завтра же напишу итоговую контрольную, сдам все хвосты, и рвану в деревню. Не веришь? Я тебе обещаю, что привезу тебе оттуда готовую курсовку. Ты только держись, духом не падай. Ага?

Она моргнула в ответ и сжала его пальцы.

– Скоро предки подкатят. Похоже, они сильно перепугались. Так что я лучше пойду к контрольной подготовлюсь, мне же теперь надо ещё и твою журналистскую программу осваивать, – Димка подмигнул сестре. – А ты уж держись огурцом.

Когда он нагнулся, чтобы чмокнуть Светку в щеку на прощанье, она зашептала ему прямо в ухо:

– Завяжи с трейсерами. Обещай, что никогда не прыгнешь! Никогда, слышишь? И думать не смей…

– Обещаю, – Димка поглядел в её, полные слёз, глаза. – Я клянусь!

***

Дома за ужином рассказал родителям о дедовом звонке и о своём решении съездить в деревню. Было естественно, что отец сразу же начал возражать, мотивируя тем, что надо сначала закончить учебный год, но получив заверения в том, что «со школой всё будет улажено», сдался. Мать, казалось, их даже не слушала, она сидела за столом тихо, уставившись в одну точку, затем отодвинула тарелку в сторону и сказала:

– Езжай, конечно. Передай бабушке от нас, пусть поправляется. Подготовишься к отъезду, предупреди, я Борису скажу, чтобы он отвёз тебя.

– Я и на поезде могу, – попытался возразить Димка.

– Борис тебя отвезёт, – оборвала его мать. – Это не обсуждается.

Спустя неделю Димка запаковал всё самое необходимое для жизни в деревне в свой походный рюкзак. Небольшая его ноша приятно оттягивала плечо, когда Димка примерил её на себя. «Вроде всё собрал, ничего не забыл», – подумал он и тут же его взгляд упал на блокнот, лежащий на письменном столе. Димка прицепил к нему ручку и положил на рюкзак сверху, чтобы не забыть.

Утром, когда солнце только-только начало окрашивать облака в розовый цвет, зазвенел будильник. Димка подскочил, словно ужаленный. По-военному быстро привёл себя в «полную боевую готовность», и уже через каких-то полчаса птицей летел вниз по лестнице, навстречу новым впечатлениям.

***

– Ну, что, брат, с Богом? – спросил Борис и поглядел в зеркало заднего вида.

– Наверно, – пожал плечами Димка, – а ты, дядь Борь, в Бога веришь?

– Не, это вряд ли, – усмехнулся Борис. – Мы же в Союзе выросли, а там с этим строго было. С малолетства все были октябрятами, пионерами, и по совместительству атеистами. И я не исключение.

– А чего же тогда «с Богом» говоришь?

– Ну, это для того, чтобы в дороге с нами ничего не случилось. У меня, видишь, иконка висит. Так надо, брат.

– И что тебе это заклинание с иконкой даёт?

– Да, вроде как ничего не даёт, но на всякий случай всегда произношу. А вот иконку эту мне жена сразу после аварии из церкви принесла. С тех пор кочует она со мной из одной машины в другую, и езжу без происшествий. Машину раз поменял, а иконка дома осталась. Ох, тяжёлая была поездка: непогода, видимость нулевая, самочувствие дрянное. Короче, всё к одному. Так я в тот день, чуть было в кювет не улетел.

– Значит, всё-таки, верующий, – буркнул себе под нос Димка и сделал в блокноте запись: «Дядя Боря, наш водитель – сомнительный атеист. По его словам, веру в Бога у него отшибли в детстве пионерско-комсомольские организации, но, тем не менее, икону с изображением святых в машине имеет».

– Чего ты там записываешь? – поинтересовался Борис.

– Решил всё путешествие в блокноте запечатлеть, – соврал Димка.

– А чего в блокноте? Светка обычно всё интересное фотографирует и сразу же в сеть кидает. Телефон позволяет, интернет сейчас везде есть.

– Ну, должен же я чем-то от сестры отличаться, – улыбнулся Димка.

– Твоя правда, – согласился Борис и замолчал.

Когда выехали из города, Димка спросил:

– Дядя Боря, а можно я на переднее сидение сяду?

– Нельзя, брат, – сказал Борис. – Анна Степановна не разрешает.

– А чего не разрешает?

– Ну, если вдруг столкновение, то больше страдают те, кто впереди сидит.

– Здрасти, дядь Борь! А на фига тебе тогда иконка? Ты же сам сказал, что пока она тут висит, никаких аварий не будет. А если ничего не случиться, тогда никто и не пострадает. Логично?

– Логично, – рассмеялся Борис. – Подловил ты меня, брат! Сейчас на обочине притормозю, перебирайся ко мне под бок.

С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ

– Вот, брат, почти и приехали, – Борис слегка притормозил, съезжая с оживлённой трассы на малую дорогу, которая словно змея ползла в сторону гор. – Сейчас доберёмся на машине к подножию вон той махины, нырнём в её нутро, а когда вынырнем, то придётся топать пешком. Там недалеко идти, а с учётом любования местностью – очень даже близко.

– А до села что, даже дороги нет? А как же продукты в супермаркет завозят? На вертолёте что ли? – Димка тёр глаза.

– Эх, Димка, сразу видно, что ты дальше мегаполиса свой нос не высовывал, – вздохнул Борис. Хотел добавить что-то ещё, но передумал и только махнул рукой. – Сам всё увидишь, как только туннель проедем.

Когда машина, вырвавшись из горных объятий, затормозила у обочины, Димка пулей выскочил наружу.

– Вау, дикая природа! – в руке его моментально появился телефон. Димка без устали жал на кнопку камеры, делая снимок за снимком. Борис наблюдал за подростком с улыбкой. Наконец, произнёс:

– Будет тебе снимать всё подряд. Так тебе никакой памяти не хватит. Опять же, не на один день приехал, ещё столько впечатлений получишь, на всю жизнь запомнятся. Я по себе знаю: отлично помню тот день, когда первый раз в горы попал. Только это были другие горы.

– А по мне горы различаются только по месту их расположения на карте, и по высоте. А ты, в каких горах был?

– В чеченских, – тихо сказал Борис, протягивая Димке, вынутый из багажника рюкзак. – Надевай, пошли.

– Дядь Борь, я не знал… – Димка пристально смотрел на Бориса. Во взгляде смешались восхищение и любопытство. – Расскажешь?

– На обратном пути, – отрезал водитель. Дружно щёлкнули автомобильные замки, и Борис первым пошёл по заросшей тропинке.

Димка, на ходу натягивая лямки рюкзака на плечи, поспешил за ним. Через несколько метров остановился и прокричал в спину:

– Дядь Борь! Я хочу один пойти. Можно?

Борис вернулся. Долго смотрел на Димку, словно изучал, потом сказал:

– Самостоятельным быть хочешь? Уважаю. Только одного понять не могу: куда ты, брат, пойдёщь-то? Ты же понятия не имеешь о том, в какую сторону тебе двигаться. Местность для тебя чужая.

– Так ведь ты покажешь. Или нет? Ты, дядь Борь, не бойся, я предкам тебя не сдам.

– Ладно, – Борис махнул рукой, – уговорил, чёрт красноречивый. Короче смотри: пойдёшь вот по этой тропке. Курс будешь держать на сторожевую башню, вернее, на то, что от неё осталось. До развилки дойдёшь, держись правее, там тропинка будет круто вверх забирать, словно на ступеньку огромную подниматься. Как только поднимешься, так сразу перед тобой вид откроется: по левую руку внизу пастбище возле леса, а по правую руку домишки малочисленные. Дом стариков своих быстро найдёшь – у них на крыше флюгер крутится. Всё понял?

– Понял, не дурак, – кивнул Димка.

– Я тут буду в машине сидеть, на крайний случай. Ты как на место прибудешь, позвони мне.

– Ладно. Пока, дядь Борь! – попрощался Димка и пошёл прочь по утоптанной горной дорожке.

Остатки сторожевой башни стояли почти возле самой развилки. Помня о том, что ему надо держаться правее, Димка остановился, озирнулся по сторонам и решительно направился к сторожевой башне. Недолго думая, скинул на траву рюкзак и ловко вскарабкался на самый верх наполовину разрушенного сооружения. Сверху ему было видно дорогу, по которой они сюда приехали, стоящий на обочине автомобиль и крыши домов, утопающих в зелени деревьев. Димка достал из кармана телефон, набрал номер Бориса.

– Дядь Борь, я на месте! Прибыл!

– Ну и шустрик ты, Димка, – послышался на том конце голос водителя. – Бывай, брат! Я тогда поехал. Вернусь за тобой через недельку.

– Ага, – буркнул в трубку Димка. – Бывай!

До пункта назначения Димка добрался без проблем. Флюгер на крыше оказался отличным ориентиром. На стук в дверь никто не отвечал, только откуда-то из-за дома донёсся недовольный собачий лай. «Не хватало только, чтобы возле самого порога меня сожрали дикие собаки», – подумалось Димке, и он с силой толкнул дверь, которая оказалась незапертой. Внутри дома было прохладно, шторы на окнах, задёрнутые наполовину создавали некий таинственный полумрак. Димка бросил на пол возле двери свой рюкзак, прошёл в комнату и занялся изучением старых фотографий, висевших на стене над массивным старым сервантом.

ВСТРЕЧА С ДЕДОМ.

– Стоять на месте! Руки на маковку прилепил! – громко скомандовал дед Тимофей, сотрясая воздух штыковой лопатой. Вдруг замолчал, вздохнул и вкрадчивым голосом произнёс, – Ты ничего не попутал, малец? У меня ведь красть-то нечего. Пенсию ещё не давали, а орденов с медалями, прости, не заслужил.

– Дед, ты чего? Это же я – внук твой, – сказал Димка, медленно поворачиваясь, но на всякий случай всё ещё держа руки на голове. – Не признал что ли?

Дед сощурился, опустил лопату, которую до сих пор держал на изготовке, словно это было ружьё. С минуту глядел на внука, потом лицо его расплылось в беззубой улыбке:

– Чего ж не признать-то? Признал! Весь в меня пошёл, и рожей в меня, и статью.

– Тогда зачем лопату схватил? – поинтересовался Димка.

– Лопату-то? Для порядку схватил, – дед хитро поглядел на внука. – Ты себя на моём месте представь. Заходишь ты в свой дом, а там гость, ростом на две головы выше и с косой саженью в плечах. Что делать будешь? Нет, ты-то, конечно, можешь и стрекача дать, а мне бегать-то уже вовсе не в мочь. У меня от всех врагов и напастей вот она одна осталась – моя лопата.

Тимофей Петрович задумался, взор его затуманился. После недолгого молчания, он раскрыл руки для объятий и проговорил:

– Ну, здравствуй, Митька! Иди хоть обними деда, чучело косолапое!

Не успел Димка сделать и пару шагов навстречу Тимофею Петровичу, как тот уже висел на внуке и шмыгал носом:

– Ишь, какой вымахал-то. А я ведь помню тебя вот такусеньким, в шапочке-мухоморчике, да в стоптанных ботиночках. Я тогда тебя и прозвал чучелом косолапым, – на этих словах дед отстранил Димку от себя и снова начал командовать. – А ну-ка пройди чуток вперёд. Так, стой! Задом повернись. Вон она пятка-то правая так до сих пор и кланяется левой. Никуда видать чучело косолапое из тебя не ушло. Но ты, внучок, не расстраивайся шибко. Это же не беда вовсе. Медведи все косолапыми рождаются и живут так всю жизнь.

– Так то медведи, – Димка решил подыграть деду, – я ведь не медведь. И совсем не хочу быть похожим на медведя.

– Ну-у-у, – Тимофей Петрович почесал затылок, – тут вопрос спорный. Это смотря с какой стороны к нему подойти. Медведь – тот ещё субъект. Его все побаиваются, даже человек. Его природа щедро одарила когтями да зубами. А вот мозгов у человека, конечно, больше. Хотя, тоже спорно. Медведя-то дураком не назовёшь, хитрости – вот чего ему не хватает. Прёт, иной раз напролом, как танк, оттого и попадает на рогатину.

– Ладно, дед, давай ты мне про медведей потом расскажешь. Я же к вам не на один день приехал. Ты лучше скажи: бабушка где? В больнице? Что с ней?

При упоминании о бабушке, Тимофей Петрович сразу как-то затих, положил свои натруженные морщинистые руки на колени. Озорство, искрами летящее из его добрых глаз, вдруг бесследно исчезло, взгляд затуманился. Дед перекрестился, вздохнул:

– Прибрал Господь мою Валюшу. Почитай уж неделю как вдовствую.

– Дед, я…

– Не надо, Митька. Мы с тобой скоро на могилку к ней пойдём, вот ты сам ей все слова и скажешь, – дед опять тяжело вздохнул. – Ждала она вас, сердешная. Жалко, что ты чуток припоздал. А мать-то чего не приехала? Всё серчает?

Димка не знал, что ответить деду. Он представления не имел, за что мать могла сердиться на бабушку. Вероятнее всего, это были какие-то старые обиды, но в его присутствии дома, эти темы никогда не обсуждались. Со Светкой они тоже ни разу не затрагивали семейные отношения. Сам он в деревне бывал только однажды, в малолетстве. Был он тогда настолько мал, что и не вспомнить ему про ту поездку, про «чучело косолапое» в стоптанных ботиночках, каким он тогда и являлся. Да и бабу Валю он видел только на фотографии, а деда Тимофея узнал по голосу, благо, что неделю назад с ним по телефону разговаривал. Зато частым гостем у деда с бабкой была Светка. Она, каждый раз по окончании учебного года, собирала небольшой рюкзачок и уезжала в сторону гор.

– У нас со Светкой беда, дед. В больничке она.

– Что приключилось с моей Веточкой? – дед встрепенулся.

– Она… – Димка напряжённо думал, как бы помягче рассказать деду о случившемся. Не мог он взять и вывалить перед стариком весь ворох грязного семейного белья. Не хотел Димка, чтобы и без того уставший от неприятностей дед, вникал в их разборки и дрязги.

– Жива и, слава Богу. Поправится, приедет, вот сама всё и расскажет о том, как ей болелось. Вот только нехорошо, что бабушку в последний путь не проводила. Но Валюша её простит, Веточка, же не специально заболела, – Тимофей Петрович хлопнул по коленкам и оживился. – Хватит кукситься! Как там в сказке? Надо поначалу гостя спать уложить, потом обкормить, и только потом пытать. Так?

– То есть, ты мне предлагаешь спать лечь? – рассмеялся Димка, – Ну, ты дед даёшь!

– Ещё чего, спать! – Тимофей Петрович подбоченился. – Это так с гостями надо обходиться. А ты? Какой ты гость? Я тебя хозяином назначаю, первым после себя. Понял, чучело косолапое? Так что давай, одежду свою парадную скидавай, а то замажешь. Надевай чего-нибудь домашнее, и будем с тобой обед готовить. Картоху чистить могёшь?

Димка сначала пожал плечами, потом что-то промычал. Надевая на себя тренировочные штаны и футболку, он наконец-то промолвил:

– Ну, не так чтобы…

– Вот и ладненько. Знать с голоду не помрём. Ты только глазки получше выковыривай. Я, когда вижу варёную картоху с глазками, то мне такое чудится! Представляю, будто бы изнутри у неё клопы повылезали и за мной подглядывают.

– Фу, дед, – скукожился Димка.

– Не фукай, профукаешь. Ишь ты, чучело косолапое, не нравится ему, когда дед душу перед ним изливает. Фукает он, понимаешь ли, – Тимофей Петрович достал из старинного

буфета два ножа. Тот, что был поменьше, протянул внуку, большой оставил для себя. – Ну что, наперегонки махнём?

– Нет, так не честно будет, – сразу же запротестовал Димка. – У тебя нож вон какой здоровенный. Прямо не нож, а сабля! Таким пару раз рубанёшь и картошка голенькая. А мы её что, мыть не будем?

– А зачем её мыть? – удивился дед. – Потом, когда будет голенькая, тогда и помоем. Ты-то, поди, моешься нагишом, или в одежде?

Димка не стал спорить с дедом. Зажал в кулаке нож, в другую руку взял самую большую картошку, и начал строгать в направлении «от себя». Довольно крупные куски кожуры полетели в разные стороны. Тимофей Петрович сначала хмыкнул, потом тоненько захихикал, после сумел-таки взять себя в руки и командным голосом протрубил:

– Отставить, чучело косолапое! Ты так всю картоху на куски перерубишь, нам с тобой есть нечего будет. Гляди сюды: ножичек заводим под самую её шкурочку, на чуток, на полкончика, и тянем его к себе. Ага?

– Ага, – кивнул Димка и поднял глаза на деда. – Ноу проблем, дед!

Он снова взял картошку и нож. С видом знатока аккуратно врезался в картофелину и дёрнул «на себя». Ойкнул, из порезанного пальца показалась кровь.

– Тьфу ты, ну ты, – сплюнул Тимофей Петрович, – хреновый из тебя, Митька повар получается. С этого моменту назначаю тебя раненым бойцом. Так, сейчас я тебе перевязку делать буду.

Дед вытер руки о полотенце, висевшее на крючке рядом со столом, и принялся копаться в ящике буфета. Вытаскивая одну за другой разные баночки и пузырёчки, он время от времени чертыхался, повторял «тьфу ты» и бурчал что-то себе под нос. Наконец, он таки обнаружил маленькую коричневую ёмкость с нужным снадобьем, выпрямился в рост, с грохотом задвинул ящик на место и лицо его просияло:

– Сейчас замажем твою дырку вот этой мазью, завтра утром поглядишь и удивишься.

– Чему удивлюсь? – осторожно поинтересовался Димка. – Что так быстро зарастёт?

– Куда там, зарастёт… – дед хитро прищурился. – Рука отвалится. Я ведь точно не знаю та ли это мазь, которой твоя бабушка всех лечила.

– Дед, а может не надо экспериментов? Или хотя бы йод поищи, а? Ну ведь йод-то должен быть?

– Палец подставляй, чучело косолапое! – командовал Тимофей Петрович. – Валюша моя никакой химии не доверяла, лечила всех исключительно своими спецсредствами.

– Ой-ой-ой, щиплет-то как, – Димка начал дуть на рану.

– Это тебе картоха мстит, за то, что ты к ней не с той стороны подкрался, – ёрничал дед.

Спустя несколько минут Димка сидел на стуле с туго забинтованным пальцем и поглядывал, как Тимофей Петрович ловко чистит картошку. Бася примостилась на подоконнике и наблюдала, как соседская курица Пеструшка тянет земляного червя. Червь оказался длинным и несговорчивым, никак не хотел сдаваться. Как только Пеструшка выпускала его из клюва, чтобы лапой подкопать земли, червяк тут же ополовинивался, глубже зарываясь в мягкую взрыхлённую курицей землю. Пеструшка снова хватала его, снова тянула. Тут с громким лаем из-за угла появился Шарик. Курица отпустила свою добычу, замешкалась. Когда же собачья угроза пронеслась мимо, червяка и след простыл. Димке показалось, что Бася улыбнулась нерасторопности курицы, в её коротком «мр-мя» он ясно услышал осуждение: «Вот растяпа. От меня не сбежал бы». С поднятым кверху хвостом и гордым видом, кошка спрыгнула с подоконника и направилась к двери.

– Басюшка, далёко-то не уходи. Скоро мы с Митькой есть будем, и тебе перепадёт, – Тимофей Петрович поглядел кошке вслед. Прежде чем выйти из дома, Бася остановилась, и Димке снова показалось, что умная кошка кивнула деду, мол: «Поняла, скоро вернусь».

– Дед, как ты её так выдрессировал?

– Кого? Баську что ли? – переспросил дед. – Чего-то ты, Митька, попутал. Тут тебе не цирк. У нас всё общение строится на любви и понимании, не как в цирке.

– Не понял, а как в цирке? Там же тоже животных кормят, ухаживают за ними.

– Так, да не так. В цирке, Митька, как в жизни. Получил рыбку – отработай, или, в крайнем случае, лизни хозяина в нос. В нос не лизнёшь, можно так этой рыбиной по морде огрести, что мало не покажется. А у нас с Баськой – высокие отношения. Я же её кормлю не за то, что она меня в нос лижет, а просто за то, что она у меня есть.

Димка слушал деда, глядел во двор сквозь пыльное стекло и невольно сравнивал свою жизнь с цирком. Прав был дед в своих рассуждениях, тысячу раз прав. Как же поразительно точно смог Петрович всего парой фраз обрисовать их городскую жизнь. И невесело стало Димке от таких дум. Спасибо деду – прервал он его размышления. Дочистил картошку, стал обмывать её прямо в кастрюльке. Несколько раз воду наливал-сливал, пока она прозрачной не стала. На плитку электрическую кастрюлю водрузил, тумблером щёлкнул. После всех проделанных процедур, руки обтёр прямо об фартук и снова заговорил:

– А ты, Митька, чего-то не договариваешь. Я ведь калач тёртый, все чужие недоговорки нюхом чую. Вот и ты, будто бы, чего-то хочешь рассказать, но откладываешь. Не тяни резину, говори прямо.

– Дед, я ведь не только по твоему звонку приехал. Вернее, я по твоему звонку, но только…

– Чучело косолапое, тебя что за язык подвесили? – нахмурил брови Тимофей Петрович. – Будешь складно вещать-то, Левитан?

Упоминание о Левитане так рассмешило Димку, что он буквально смеялся до слёз, время от времени повторяя:

– Ой, умора! Левитан… Ой, дед, ты у меня шутник!

– Молодец, внучек, не обиделся. А то последнее время среди людей такие экземпляры встречаются, что ни скажи – губы надуют, брови сдвинут, распупырятся. Ты не такой. Я сразу понял, что ты весь в меня, – дед горделиво поглядел на утирающего слёзы Димку. – Говори свои недоговорки.

– Дед, задание мне Светка дала непростое. Вернее Светке его в университете дали, а она мне передала, потому что сама пока не может. В общем, надо помочь сестре. Я обещал. Но без тебя мне точно не справиться.

– Дык, не вопрос. Как там у вас отвечают – ноу проблем. Говори, чего делать надо?

– Есть у меня вопросы на тему религии. Мне на них ответы получить нужно. Ну, вроде как я журналист, который приехал в деревню, чтобы статью написать.

– Митька, это же вообще раз плюнуть и растереть. Спрашивай.

– Кого?

– Меня спрашивай. Я тебе за вечер на все вопросы отвечу. Жалко только, что ты не настоящий журналист. Вот бы я тебе набрехал с три короба.

– Хорошо, дед, – Димка достал из рюкзака ручку, блокнот и сложенный вчетверо листок бумаги с напечатанными вопросами. – Только сильно не тараторь, мне всё записать надо.

– Понял, не дурак. Давай первый вопрос.

– Подожди, дед. Сначала надо записать фамилию и имя того, кто на вопрос отвечает, – Димка начал старательно выводить дедово имя-отчество.

– Пиши – Афанасий Смирнов.

Димка перестал писать, поднял на деда глаза в недоумении:

– А кто такой этот Афанасий?

– Друг мой. Афонька мужик хороший… был… разговорчивый. Он такие истории сказывать любил. Что ни слово, то брехня. Но, надо ему должное отдать, весёлая брехня. Все знали, что он врёт, как маслом мажет, но каждый раз при встрече с ним спрашивали: «Афоня, что новенького слыхал? Расскажи!» Эх, он бы сейчас тебе не только на вопросы ответил, но ещё и роман в придачу расписал. Ладно, – сам себя остановил Тимофей Петрович, – чего там у тебя?

– Вопрос первый: верите ли вы в Бога?

– Во оно как, – Димке показалось, что дед даже вздрогнул от неожиданности, – огорошил ты деда, Митька.

Густая пена, поплывшая из-под крышки кастрюли и противно зашипевшая на плитке, прервала их разговор. Едкий дым поплыл по комнате. Дед бросился к кастрюле. Дул на бегу, сопел, схватил голыми руками горячую крышку, бросил её, выругался по матушке. Потом долго пыхтел над кипящим варевом, не в силах со стыда поднять на внука глаза. Димка всё понял и произнёс:

– Дед, я ничего не слышал…

– И правильно, – заметно повеселел Тимофей Петрович. – Плохое слово должно в одно ухо влетать, из другого вылетать, потому как в голове место только хорошим мыслям и выражениям.

Пока варилась картошка, разговоры разные разговаривали, но о религии не вспоминали. Дед всё больше интересовался житьём-бытьём столичным. Димка вошёл в раж и старательно обрисовывал картинки из их повседневной жизни. Уж очень ему хотелось, чтобы дед как-то проникся духом современного мегаполиса. Тимофей Петрович на расспросы горазд был, но дело своё знал туго, поэтому через полчаса сваренная и остуженная картошка, политая сверху маслицем, щедро присыпанная молодым укропом, стояла на столе. Дед достал из холодильника миску с холодцом и крынку молока.

– Вот, собственно, чем богаты – тем и рады, – пожал он плечами.

– А это что такое, дед? – Димка показал пальцем на миску, по самые края залитую топлёным салом.

– Студень вчера сварил, – Тимофей Петрович исподлобья глянул на внука. – А ты чего спрашиваешь? Студня что ли в глаза ни разу не видел?

– Не видел, – замотал головой Димка, – мать зельц иногда покупает в супермаркете, но я его не люблю. В нём частенько шкура со щетиной присутствует.

– Ну так, не спрашивай, лучше ешь. Я же тебя гадостью не накормлю, – дед снял со студня застывший жир, порезал его ножом прямо в миске и протянул внуку вилку. – Держи трезубец, городская интеллигенция. Орудуй им пока. Я так думаю, что через пару-тройку дней ты исправишься. Веточка вон тоже, по приезду вилкой пользуется, а потом на черпачок переходит. Димка насадил на «трезубец» кусок холодца, откусил и причмокнул:

– Дед, это что-то…

– Ешь, пока живот свеж, – отозвался Тимофей Петрович.

После ужина пошли посидеть за дом на завалину. Там Димка снова решил вернуться к религиозным вопросам.

– Дед, а ты мне про Бога так и не ответил.

– Кто? Я или Афонька?

– Дед, хватит прикалываться, – взмолился Димка.

– Ладно, не буду больше шутковать. Сейчас я тебе расскажу про веру свою. От своего лица расскажу, не от Афанасьева. Только не перебивай.

– Есть, не перебивать, – козырнул Димка. – Чучело косолапое молчит и внимательно слушает!

– То-то же, – дед хмыкнул в усы. – Я в Бога верю, Митька. Есть он, это точно. Хотя, сказать по совести, я с ним ни разочка не встречался. Но не верить не могу. Родители мои покойные люди верующие были, вот и мне эта ихняя вера по крови передалась. Крест на меня во младенчестве надели. Вот сейчас разные религии, я слыхал, спорят о том, надо ли в младенчестве крестить ребёночка, или он сам должен осознанно к Богу прийти? Я так думаю по этому поводу: в первую очередь родителям верить надо. Они ведь своему дитю плохого не сделают. Так что, если матушка с батюшкой порешили меня покрестить, то так тому и быть. Нет у меня права от веры их в неверие бежать. Это ведь как от корней своих оторваться.

– Я тебя понял, дед, – кивнул Димка.

– Ну и ладненько, – согласился Тимофей Петрович. – А теперь пойдём спать укладываться.

– Так вроде светло ещё, – заупрямился Димка.

– Где светло было, там темно скоро станет, вон гора уже солнце дожирает. Того гляди звёзды выкатят. Не успеешь лечь, вставать пора, а вставать завтра рано.

– Зачем вставать рано?

– Вот, чучело косолапое, забыл что ли?

– Забыл, – согласился Димка.

– Пословица есть: кто рано встаёт, тому Бог даёт! Чему вас только в школе учат?

Уже дома, когда Тимофей Петрович стелил постель, Димка толкался рядом, переминался с ноги на ногу. Дед, заметив это, бросил прилаживать свежую простыню на диван и повернулся к внуку:

– Митька, ты чего, как банный лист ко мне прилип?

– Дед, вопрос у меня возник – мыться-то у тебя где?

– Так вроде нынче не суббота? Или я чего-то пропустил?

– А при чём тут день недели? – удивился Димка.

– Как это при чём? – возмутился дед. – Понедельник день тяжёлый! Так? Четверг – рыбный день! Так? По субботам мы моемся, по воскресеньям – спешим к заутрене. Ну?

– Как скажешь, – только и произнёс Димка вслух, про себя подумав: «Вот дикари!».

– Ухлопывайся, – скомандовал дед.

– А в туалет-то хоть можно? – проканючил Димка.

– В нужник-то? А чего же нельзя? Конечно, можно. Пойдём, покажу куда.

Вышли на улицу, «на зады», как сказал Тимофей Петрович. Дед указательным пальцем задал направление движения. Димка, глянув на покосившийся деревянный домик, сколоченный из нетёсаных досок с характерным окошечком под крышей, находящийся на «том конце» огорода, решил, что нужда его ещё не очень-то припёрла.

КЛУБНИЧНЫЙ ВОР.

Утро следующего дня началось для Димки с того, что организм отчаянно запросился наружу. Опрометью пробежав всю «огородную дистанцию», острекав по дороге босые ноги крапивой, на финише Димка почувствовал абсолютно счастливым.

Возвращаясь обратно по огородным грядкам, он наткнулся на заросли клубники. Присел на корточки, раздвинул листики и присвистнул: «Хороша ягодка». Не думая ни о чём, отправил первую клубничину в рот, потом вторую, третью… Перешагнул через грядку, хотел уж было полакомиться с другого кустика, как услышал сзади себя окрик:

– Не стыдно клубнику тырить? А ну уноси свои ноги отсюда, пока я хозяина не позвала. Он с тобой точно церемониться не будет.

Димка обернулся и увидел стоящую чуть вдалеке девчонку примерно его лет. Застатый врасплох, он на какое-то время действительно почувствовал себя вором, но через короткое мгновение оторопь прошла и он промямлил:

– Так я это… внук хозяина…

– Все вы внуки, когда вас с поличным на грядке ловишь. Беги, сказала, – не унималась девчонка. – Считаю до трёх, и зову деда. Раз… два… три… Тимофей Петрович!

– Наталка, донечка, что случилось? – донёсся женский голос откуда-то из-за кустов.

– Я тут, мама, вора клубничного поймала. Так он мало того всю клубнику Тимофею Петровичу обобрал, так ещё и врёт напропалую. Говорит, что он нашему деду внуком приходится.

– Это чего-то я вру? Я и правда внук. Не верите, у деда спросите, – огрызнулся Димка.

– И спросим! Да, мам? – Наташка вопросительно поглядела на мать. Дождавшись, когда Ксана утвердительно кивнула в ответ, она зашипела в сторону Димки: – Шлёпай первый, если не слабо.

– Да пожалуйста, – Димка зашагал по меже к дому.

Тимофей Петрович встретил делегацию на пороге. Опираясь на черенок от любимой лопаты, он напустил на себя грозный вид и громко произнёс:

– Чего орём?

– Вора поймали у тебя на огороде, клубнику тырил, – громогласно сказала Наташка.

– Ух, ты! А уж я-то себе, дурак, напридумывал, – Тимофей Петрович расстроено махнул рукой и прислонил лопату к стене. Сам присел на лавку и прикрыл глаза. – Лежу, значит, сплю, под утро всегда крепко спится. Вдруг слышу Натахины позывные, потом гомон, крики. Всё, думаю, конец! Видать и до нас Майдан добрался. Сам лежу, жду когда картоха в окно полетит.

– При чём тут картоха, дед? – Наташка хихикнула.

– Да при том, что у меня на задах огород, а не булыжная мостовая. Смекаешь? А на деле-то оказалось… – дед театрально вздохнул. – Ну и куда вора дели? Натаха, ужель прихлопнула?

– И не смешно вовсе, – съязвила Наташка.

– Какой уж тут смех, – протянул дед и поглядел на Димку. – А ты чего молчишь? Язык проглотил? Мог бы уж растолковать народу, что ты законный мой представитель.

– Я говорил, что я тебе внук, а они не поверили.

– Так, теперь всё понятно. Значит так, всем Фомам неверующим объявляю – это Митька, мой московский внучок. Приехал ко мне пожить, заодно будет вести журналистское расследование. Поэтому прошу помогать ему всячески и отвечать на все вопросы.

Когда Ксана с Наташкой ушли, Димка укоризненно сказал:

– Зря ты так. Про журналистское расследование зачем выдумал? А это кто? Соседи твои?

– Ага, соседи, – утвердительно кивнул дед. – Хунта с дочкой.

– Почему Хунта?

– Беженцы они с Украины. Прошлым летом в наших краях объявились, сбежали от войны с двумя узлами скарба. Жить негде им было, а у нас под боком дом брошенный стоял. Вот Валюша их туда и пристроила. Правильно всё: хорошим людям всегда надо помогать, а они – хорошие люди, просто очень несчастные. Что тут сделать, если так вот не свезло им в жизни? Ксана молодцом держится, только раз сорвалась. Валюша по весне хворать начала, Ксана вызвалась по огороду помочь, сорняки прополоть. Она полет, а я траву в кучу за забор складываю. До обеда проколупались, в полдень я пошёл Валюшу кормить. Обратно когда вернулся, глянул и остолбенел. Ксанка на корячках сидит, укроп дёргает и ревёт в голос. Это у неё такая реакция на «укроп», – Тимофей Петрович замолчал, засопел, погладил Баську, примостившуюся рядом, по голове, потом поднял свой взгляд на задумчивого Димку и, словно оправдыва-

ясь, сказал: – Вот и зову её с того раза Хунтой. Она не обижается, посмеивается в ответ, знает, что я не злобливый.

ЗНАКОМСТВО С СОСЕДЯМИ.

В этот же день ближе к полудню, Тимофей Петрович велел внуку принарядиться.

– Зачем, дед? – поинтересовался Димка.

– Поведу тебя на смотрины, – с важным видом констатировал Тимофей Петрович.

– Чего, – не понял Димка, но так и не получив ответа переспрашивать не стал.

«Смотрины» начались с дома Георгия, жившего непосредственно по ту сторону забора, выстроенного слева от дедова дома.

– Жорка, выходь, – закричал громко Тимофей Петрович и забарабанил в окно.

Показавшаяся за стеклом, взлохмаченная голова, сразу скрылась за полосатой шторой, и спустя минуту, на крыльце появился сам Георгий – заспанный, небритый и босиком.

– Тебе чего не спится-то в такую рань, Петрович, – часто моргая, пробурчал он.

– Жорка, ты чего? – Тимофей Петрович покрутил пальцем у виска. – С дуба рухнул? Какая такая рань? Солнце уже, погляди, не ровен час на бок, заваливаться начнёт.

– Опупеть, – Георгий приставил ладонь ко лбу и, прищурившись, поглядел в небо. – Вот я заспал. Ночью сегодня Достоевским баловался, перечитывал. Дюже интересно было. А ты по делу, Петрович?

– Конечно, по делу, – дед гордо выпятил грудь вперёд. – Вот привёл к тебе человечка из столицы, который будет тебя и всех остальных на предмет веры и суеверий опрашивать. И это не просто человек, это, Жорка, мой внук. Так что, прошу любить и жаловать.

– Как скажешь, Петрович, – кивнул Георгий и скрылся внутри дома.

– Холера, – вслед ему буркнул дед. – Всё у него не к месту. Ну и, бог с ним, с Жоркой. Пойдём я тебя с Ксанкой и дочкой её поближе познакомлю.

– Не, мы уже утром познакомились, – поняв о ком идёт речь, засопротивлялся Димка.

– Утром не считается.

– Дед… – протянул Димка.

– Пошли, тебе говорю, – командным голосом изрёк Тимофей Петрович.

Ксана с Наташкой обедали, когда на их пороге появились так называемые гости. Тимофей Петрович тихонько постучал, прежде чем войти, сопроводив при этом свой стук словами:

«Бабы же, к ним стучать надобно», а потом дёрнул дверь, и, напустив на себя серьёзный вид, заговорил:

– А это мы к вам, с соседским дружеским визитом. Вот привёл к вам гордость свою – внука. Знакомьтесь ещё раз – Дмитрий Сергеевич. Можно просто Дмитрий, а кто-то, – дед подмигнул Наташке, – наверняка и вовсе Митькой звать будет.

– Давайте ка за стол садитесь, я вас накормлю обедом, – разом засуетилась Ксана, но дед остановил её.

– Не, мы не голодные. Да и по делу мы. Митьке ответы на вопросы собрать надо про бога и про чертей. Так что, не откажите уж.

Наташка, сидевшая до этого момента молча и не отрывавшая от своей тарелки взгляда, после слов Тимофея Петровича внезапно оживилась. На её по-девчоночьи милом лице появилась хитрая улыбка и в глазах запрыгали чёртики. Она встала из-за стола, подошла к Димке и, потупив взгляд в пол, проговорила:

– Можно я буду первая, кто тебе на вопросы ответит? Только на улицу пойдём, а то боюсь, что моё мнение будет для всех сюрпризом.

– Доня, – укоризненно поглядела на Наташку Ксана.

– Мама, ты же меня знаешь. Это будет приятный сюрприз.

– Идите уже, – замахал руками Тимофей Петрович, – а мы с тобой, Ксанка, о своих делах покалякаем. Так ведь?

Пристроившись на веранде в старом обшарпанном кресле, Наташка вперила свой хитрый взгляд в Димку и поманила его рукой.

– Стул возьми и садись поближе, – увидев Димкин недоумённый взгляд, тут же зашептала: – Не укушу, не бойся.

Димка взял стул, стоявший тут же на веранде в углу, поставил его рядом с креслом, сел и приготовился слушать.

– Говори, чего хотела.

– Тебе тема про чертей тоже интересна?

– Ну да, а чего? – недоверчиво спросил Димка.

– Короче, я тебе сейчас расскажу, но с тебя слово, что это между нами.

– Как скажешь, – Димка пожал плечами.

– Короче тут история такая. Видел дом на отшибе? Он жёлтого цвета.

– Ну… – Димка немного задумался, потому что не сразу понял о каком доме идёт речь. – Наверно видел. А чего с ним не так?

– В доме этом колдун живёт. Самый настоящий. Чего вылупился, я тебе серьёзно говорю. Он и дом специально в весёленький цвет покрасил, чтобы никто о нём не догадывался. Там такие дела творятся.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я? – Наташка замолчала на секунду, потом затараторила снова. – Так я однажды ночью гуляла, и к дому этому забрела. Вроде всё спокойно снаружи, а в одном из окон красный свет горит. Мне, естественно, любопытно стало, я не смогла удержаться.

– И чего там было? – Димка придвинулся ближе.

– Ничего толком не разобрала. Зверь какой-то рычал, слышала. И вдруг, прямо возле окна внутри как что-то вспыхнет. Я подумала, что пожар начался, испугалась и домой убежала. Утром снова к дому вернулась. Близко подходить не стала, светло же уже. Издалека ничего не понялось, как будто ничего и не было, но я же не припадочная, я своими глазами огонь видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.